

УДК 159.9.072
19.00.05 - Социальная психология

Мартirosян Карине Вардановна

ФГБОУ ВПО Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Волгоградский филиал
Россия, Волгоград
Аспирант кафедры психологии
E-Mail: marti-5@mail.ru

Суверенность личного пространства как предмет теоретического и эмпирического психологического исследования

Аннотация: В статье представлен философский и психологический абрис понятия «суверенность психологического пространства», обосновывается актуальность психологического исследования этого предмета и соответствующей ему феноменологии, определяется методический аппарат исследования и описываются предварительные эмпирические результаты. Исследование, абрис которого представлен в этой статье, определяется проблемами обретения, сохранения и реабилитации эго-идентичности молодыми людьми, принадлежащими к этническим диаспорам, при их поступлении в российские вузы. В этом тексте кратко представлена теоретическая платформа и пилотажное исследование, которое было проведено на двух группах респондентов: армянах, жителях Еревана и русских, жителях Волгограда. Обсуждаются возможные интерпретации полученных данных и направления дальнейшего исследования. Приводятся результаты статистического анализа.

Ключевые слова: Неорганическое тело человека; случайный индивид; личность; человек-предмет; человек-субъект; психологический хронотоп; суверенность психологического пространства.

Идентификационный номер статьи в журнале 65PVN613

Karine Martirosyan

FGBOU VPO Russian Academy of National Economy and Public Administration under the
President of the Russian Federation. Volgograd branch (RANHiGS. WF)
Russia, Volgograd
E-Mail: marti-5@mail.ru

The sovereignty of personal space as a subject of theoretical and empirical psychological researchю

Abstract: The paper presents an outline of the philosophical and psychological concepts of "sovereignty of psychological space ", the actuality of the psychological study of the subject and the corresponding phenomenology is determined methodical apparatus of investigation and describes the preliminary empirical results. The study outline is presented in this paper identifies the problems obtaining, maintaining and rehabilitation of ego -identity of young people belonging to ethnic diasporas, when they arrive in the Russian universities . This text is summarized theoretical platform and pilot study, which was conducted on two groups of respondents: Armenians in Yerevan and Russian residents, residents of Volgograd. We discuss possible interpretations of the data and areas for further research. The results of statistical analysis.

Keywords: Man's inorganic body; random individual personality; the human subject; the human subject; the psychological chronotope; the sovereignty of the psychological space .

Identification number of article 65PVN613

Актуальность исследования суверенности психологического пространства (СПП) определяется влиянием процессов глобализации, урбанизации, унификации и стереотипизации жизни на содержание и способы оформления того пространства-времени (или времени-пространства – хронотопа), которое человек может считать своим, личным. «Процессы глобализации, идеология постмодернизма очевидным образом привели к цивилизационному кризису уже не только европейского, но и планетарного масштаба, – пишет В.И. Слободчиков. – Унификация социально-политических структур, разрушение форм культурной, исторической, духовной идентификации человека, размывание мировоззренческих основ самоопределения человека – упование на обнаружение таких основ в собственной самости, вырождение того или иного народа в этнографическую массу – это лишь отдельные метки разворачивающегося кризиса, список их может продолжить каждый» [17, с. 14].

Указанные процессы запущены не вчера, эти тенденции имеют достаточно длительную историю в развитии цивилизации Запада. Основное негативное влияние этих тенденций традиционно связано с проблемой отчуждения. Для того чтобы что-либо было отчуждено, оно должно изначально принадлежать человеку и предполагать возможность возвращения. Что это?

Историко-культурные основания. В различные исторические эпохи и периоды у различных этнических и иных человеческих сообществ возникали идеи потерянного рая, земли обетованной, утраченной связи с коренным народом или исторической родиной. Эти идеи конституируют не только историю, но и психологию народов и их отдельных представителей. Все эти предметы «вожделения» и принадлежности, хотя человек и принимает их за исходную данность, являются его творением, творением коллективного и индивидуального сознания. Именно поэтому он вправе считать их своими, порожденными им – его детищем, или породившими его – его родиной, отчизной, народом.

Особенность существования, отличающая человека от других живых существ, состоит в создании второй природы, того, что К. Маркс определял как неорганическое тело человека. «Практическая универсальность человека, – писал К. Маркс, – проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его неорганическое тело, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть неорганическое тело человека, а именно – природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело» [5, с. 92].

В отечественной философии советского периода тема отношения человека и его – человеческого – мира разрабатывалась Э.В. Ильенковым в связи с основной проблемой его работ – проблемой идеального. «Всеобщие формы, закономерности природного материала, – писал Э.В. Ильенков, – действительно проступают, а потому и осознаются именно в той мере, в какой это материал “неорганического тела человека”, “предметного тела” цивилизации...» [3, с. 168].

При развивающемся общественном разделении труда с неизбежностью возникает своеобразное «перевертывание» реальных отношений между человеческими индивидами и их собственными коллективными силами, сообща развиваемыми способностями, т.е. всеобщими (общественными) способами деятельности. Согласно Э.В. Ильенкову, «всеобщие (коллективно осуществляемые) способы деятельности организуются в виде особых социальных институтов, конституируются в виде профессий, своего рода каст со своими особыми ритуалами, языком, традициями и прочими “имманентными” структурами, имеющими вполне безличный и безликий характер» [3, с. 151]. Таким образом, не человеческий индивид оказывается субъектом той или иной всеобщей способности (всеобщей

формы деятельности), а, наоборот, эта отчужденная и все более отчуждающая себя от него институционально оформленная деятельная сила выступает как субъект, извне диктующий индивиду способы и формы его жизнедеятельности. «Индивид как таковой превращается тут в раба, в “говорящее орудие” отчужденных всеобщечеловеческих сил и способностей, способов деятельности, персонифицированных в виде денег, капитала и, далее, в виде государства, права, религии и т. д. и т. д.» [3, с. 152].

В этих размышлениях Э.В. Ильенков, обращается к введенному К. Марксом различению форм человеческого существования: существования человека как «случайного индивида» и существования в качестве «личности». Введение такого различения не абстрактный логический конструкт, а отражение исторической реальности, на что прямо и указывал К. Маркс: «Различие между индивидом как личностью и случайным индивидом – не просто логическое различие, а исторический факт. В различное время оно имеет различный смысл...» [3, с. 71].

Общественное разделение труда существовало и прежде, однако, как отмечают К. Маркс и Ф. Энгельс, оно еще никогда не достигало таких предельных форм и таких «фактически планетарных» масштабов. Анализируя формы обмена и формы денежных отношений, К. Маркс, отмечает возникновение и развитие столь изощренных форм, что становится несомненным их глубокое влияние на социальную и индивидуальную психологию людей. В конспекте книги Дж. Милля «Основы политической экономии», в комментариях к ней К. Маркс рассуждает о высшей форме идеального существования денег – о кредите, как, одновременно, предельно безнравственной форме отношения к человеку. «В кредитных отношениях не деньги упразднены человеком, а сам человек превратился в деньги, или деньги обрели в человеке свое тело. Человеческая индивидуальность, человеческая мораль сами стали предметом торговли и тем материалом, в котором существуют деньги. Материей, телом денежной души являются уже не деньги, не бумаги, а мое собственное личное бытие, моя плоть и кровь, моя общественная добродетель и репутация. Кредит вкладывает денежную стоимость уже не в деньги, а в человеческую плоть и в человеческое сердце» [6, с. 286].

Таким образом, становится проблематичной сама человеческая индивидуальность, именно *как человеческая*, а не как представленная в вещном или денежном выражении. Человек, понимаемый, по И. Канту, как трансграничное существо перестает быть трансграничным, поскольку и в его природном мире – мире вещей – и в его моральном мире – мире идей – правят денежные эквиваленты.

Овещнение человека и приравнение его ценности к денежному эквиваленту редуцирует проблему суверенности личности к проблеме охраны частной собственности и отстаивания сферы личных интересов. А само личное пространство наполняется идеальной представленностью вещно-денежных эквивалентов субъективного благополучия. При таком субъективном понимании благополучия личной жизни проблема СПП из экзистенциальной проблемы преобразуется в социо-психо-техническую задачу стяжательства. Удачного вложения капитала и социального лифтинга.

Еще раз обратимся к В.И. Слободчикову, к тому пониманию проблемы дегуманизации, которое представлено в его «Очерках...»:

«Доминирующее социотехническое, утилитарное понимание человека в качестве ресурса особого рода явилось результатом целого ряда исторических сдвигов и подмен в общественном сознании нашей страны XX столетия. Что произошло?

Произошла тотальная секуляризация общественных сверхзадач: вместо – “Москва – Третий Рим” утверждается “Москва – центр Мирового Коммунизма”.

Произошел разрыв и противопоставление социального и религиозного уровней жизни человека: сословная структуризация общества сметается и замещается корпоративной, классово-партийной организацией.

Онтология “спасения души” сменилась онтологией “активизма и победительства – во что бы то ни стало” во всех сферах жизни.

Изменились ориентиры личного самостроительства и развития: утрачивается ориентация на духовную аскетику, господствует ориентация на удовлетворение постоянно растущих и все чаще – извращенных потребностей индивида.

Изменилось отношение к смерти: вместо трезвения и “Смертной Памяти” утверждается беспамятство, по той простой причине, что “Умирают всегда другие!”

Онтология семьи как духовно-практического микрокосмоса сменилась идеологией поло-ролевых взаимоотношений, сексуальным просвещением и планированием семьи» [17, с. 15].

Теоретико-психологические основания. Тема овещнения человека разрабатывалась Э. Фроммом, который, как известно, рассматривал психоаналитическую проблематику, в том числе, и с позиций марксизма. Наиболее полно сочетание фрейдизма и марксизма выразилось в построенной им типологии характеров. Напомним, что в основе типологии, различаемые Э. Фроммом ориентации человека: *рецептивная* ориентация, *эксплуататорская* ориентация, *стяжательская* ориентация, *рыночная* ориентация, определяемые им как неплодотворные, и, наконец, противостоящая им *плодотворная* ориентация.

Остановимся на рыночной ориентации и приведем ее характеристику по Фромму: «При рыночной ориентации человек соотносится *со своими собственными силами* (курсив мой. – К.М.) как с товаром, отчужденным от него. Он не един с ними, и они скрыты от него, потому что значение имеет не его самореализация в процессе их использования, а его успех в процессе их продажи. И его силы, и то, что им создано, отчуждается от него, становится чем-то от него отличным, чем-то, что другие будут оценивать и использовать; в результате его чувство идентичности становится таким же неустойчивым, как и самооценка; заключительная реплика во всех возможных здесь ролях: “я – то, что изволите”» [18, с. 75].

Э. Фромм выделяет рыночную установку среди всех других непродуктивных установок на том основании, что она не имеет явно выраженного собственного содержания, она «объемлет пустоту». «Рыночная установка не развивает что-то, уже потенциально наличествующее в человеке (если мы не сделаем абсурдного заявления, что “ничто” – это тоже часть человека); сама ее природа в том, что не развивается никакого специфического и перманентного вида отношений, но сама изменчивость установок и составляет единственное перманентное свойство такой ориентации... Доминирует не какая-то одна частная установка, а пустота, которую можно скорейшим образом наполнить желательным свойством» [18, с. 79].

При такой ориентации человек стремится быстро приобрести те качества, которые можно быстро же, следуя моменту, выставить на продажу. При всей внешне проявляемой активности такой человек оторван от идеального, от «морального мира» (в понимании И. Канта), такой человек не может проявлять соучастия и разделять с другими людьми идеи конфессионального, этнического и интимно-личного единства [10]. Выставляя на продажу свои личные качества, подобранные и ранжированные в соответствии с иерархией потребительских стоимостей и оформленные в виде «резюме», такая персона и других рассматривается в этой ранжированной системе координат. Поэтому СПИ редуцируется к пониманию доступности/недоступности других персон по критериям их социальной и олигархической статусности.

Мы полагаем, что СПП реально проявляется в жизни человека и может быть явлено в психологическом исследовании через отношение к другим людям и, через это отношение, к своему и их «неорганическому телу», к своему и их жизненному хронотопу. Рассмотрение «мира отношений» как предмета психологического исследования мы находим в последней незавершенной книге С.Л. Рубинштейна «Человек и мир». Этот предмет С.Л. Рубинштейн определяет следующим образом: «Мир – общающаяся друг с другом совокупность людей и вещей, точнее, совокупность вещей и явлений, соотносенных с людьми» [16, с. 289].

Сначала С.Л. Рубинштейн определяет общее логическое основание, согласно которому в основе понимания какого-либо предмета должно быть *отношение*: «Ни один предмет, взятый сам по себе, не может обнаружить свою родовую сущность. Общее проявляется в единичном через отношение к единичному, *когда одно единичное выступает в качестве эквивалента другого. Категория рода осуществляется через категорию отношения* (курсив мой. – К.М.) ... Это есть общелогическая категориальная основа для понимания того, как родовое свойство человека раскрывается через отношение одного человека к другому» [16., с. 351]. Но для С.Л. Рубинштейна важна не только логическая правомерность такой категориальной основы, но и ее онтологическое, бытийное значение. «Во взаимоотношении субъектов нет никакой принципиальной привилегии моего частного “Я”. Поэтому отношения между различными частными “Я” *обратимы* (курсив мой. – К.М.). Теоретически не существует никакого преимущества для вот этого, данного “я”. Мое отношение к другому предполагает и отношение другого ко мне: “я” такой же другой для того, которого я сперва обозначил как другого, и он такой же “Я” (исходная точка системы координат), как “Я”! “Я” и “другой”... Его нельзя свести к положению “другого”, это только его позиция, определяемая исходя от меня, а не его сущность» [16, с. 353 – 354].

Обращаясь к обратимости (тавтология в данном случае уместна), заметим, что обратимое отношение содержит в себе *реципрокное сочетание проекции и рефлексии*. Если под проекцией (от лат. *projectio* – бросание вперед) понимать психологический механизм вынесения вовне внутреннего переживания, механизм *объективации*, а не только механизм психологической защиты, в результате которой внутреннее ошибочно воспринимается как приходящее извне. И если под рефлексией (от позднелат. *reflexio* – обращение назад, отражение), понимать психологический механизм осмысления человеком своих собственных действий и *субъективных* состояний, стоящих за ними ориентировок, смыслов, принципов и стереотипов. В результате проекции-рефлексии человек может сделать предметом размышления отношения «Я – Другой» и «Я-сам – как-Другой» [15].

Выделение этих отношений в качестве предмета психологического исследования предполагает особую исследовательскую (теоретическую и эмпирическую) работу. Необходимость такой работы по воссозданию «жизненных отношений» определяется тем, что натурально, в непосредственном наблюдении это явление не дано. Его нельзя обнаружить, выражаясь словами М.К. Мамардашвили, «указав пальцем». Необходимо найти, построить способы, позволяющие выделить из потока человеческой жизни те **отношения** и те **переживания**, которые соответствуют проявлениям СПП и его – психологического пространства – внутреннего содержания. Как отмечает К.А. Абульханова, «на первый взгляд жизнь человека кажется распадающейся на ряд несвязанных друг с другом событий, которые носят случайный характер, не зависят от человека, зачастую складываются помимо его воли и желания» [1, с. 271]. И далее: «Однако если действительно неповторимы каждый раз по-разному складывающиеся обстоятельства жизни, неповторимы люди, с которыми общается человек, то все же могут быть выделены принципы *организации* (курсив автора – К.М.) человеком своей жизни. Могут быть выделены типичные для исследования этого процесса параметры такой организации: активность или пассивность, индивидуальность или стандартность и т.д. и, главное, *процесс превращения объективных обстоятельств ситуаций*

и т.п. в субъективный способ организации жизнедеятельности в целом (курсив мой. – К. М.)» [там же]. В таком подходе, предполагающем связь «организации» психологического пространства, с мерой авторства с «параметрами» активности – пассивности, индивидуальности – стандартности, автор продолжает идеи С.Л. Рубинштейна, сформулированные им в работе «Человек и мир». «Люди часто поступают так или иначе, – пишет С.Л. Рубинштейн, – потому что так делают “все” (так принято, так общепринято, так поступают). В этом случае я сам как внутренняя контрольная инстанция и моя собственная ответственность отпадают. С поведением в этом случае обстоит так же, как с одеждой, когда действует власть моды: “так носят” равносильно императиву “носи как носят”. Здесь могут быть выделены *различные модусы бытия субъекта* (выделено мною. – К.М.) и соответственно различные способы поведения, регулируемые по-разному: на уровне “я сам”, на уровне “все вообще” (он, мы и т.д.). Отсюда и выводятся потенции человека, параметры, по которым он должен определяться. (Человек определяется в жизни аналогично звуку в музыке.) Отсюда и выводится основное этическое требование, основное содержание этики. Оно состоит в адекватном определении человека по всем параметрам. Это и есть определение “идеала” человека. Идеальный человек – это человек, в котором реализованы все его потенции» [16, с. 380].

С приведенными размышлениями С.Л. Рубинштейна и К.А. Абульхановой согласуются размышления польского психоаналитика К. Обуховского, оформленные им в тексте «Революция субъектов и искушение предметизации». Текст предваряется следующим тезисом: «Человек интеллектуально зрелый, склонный к размышлениям, должен рано или поздно ввести в круг своих интересов смысл самого себя. Это следует из самой логики познания мира» [14, с. 243]. Говоря о «предметизации» К. Обуховский противопоставляет это понятие понятию «субъектность», вводя различительный конструкт «человек-предмет – человек-субъект». По его мнению, в 1960-х годах в европейских странах произошел культурный сдвиг, переход от предметной ориентации к субъектной.

«Психическая автономия личности, – пишет об этом К. Обуховский, – личные размышления, собственные жизненные планы, не считались в рамках прежней культуры особенностями с позитивным значением. Существовало мнение, что они даже мешают выполнять желаемую функцию послушного инструмента, мешают получать удовлетворение от этой функции. Самооценка и оценка индивида совершались на основе стабильной нормы, укорененной в традиции, которая была их обоснованием. Ситуация была ясна – следовало находиться в системе или вне ее. Первое было хорошо, второе – плохо. ... Это была культура людей-предметов» [14, с. 248 – 249]. По мнению К. Обуховского, «... положение вещей радикально изменилось примерно в шестидесятых годах, когда произошла революция субъектов» [14, с. 249]. «.. В результате революции субъектов возникла необходимость реконструкции человеком культуры в себе» [14, с. 250].

Мы полагаем, что именно для человека-субъекта СПП – предмет несомненно важный, поскольку внутренняя культура предполагает сосредоточенность и определенную автономию, а также бережное отношение к средствам ее воспроизводства – тому, что поэт О.Э. Мандельштам называл «духовным оборудованием».

Психологический хронотоп как предмет изучения. В психологии интерес к проблемам, связанным с пространственно-временными аспектами человеческого существования, рос на протяжении всего XX века, но особенно стремительно – во второй его половине.

Психологического пространство-время – один из традиционных предметов для отечественных исследователей, работающих в разных направлениях психологии и в смежных науках (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, Г.А. Архангельский, Р.А. Ахмеров,

М.М. Бахтин, Т.Н. Березина, А.В. Брушлинский, А.В. Бурмистрова, Л.С. Выготский, Е.И. Головаха, В.П.Зинченко, В.И. Ковалев, А.А. Кроник, Н.Ф. Наумова, Д.В. Ольшанский, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн, А. Сырцова).

В зарубежной психологии с этой проблематикой были связаны исследования У. Джемса, К. Левина, К.Г. Юнга, Ф. Перлза, Ж. Нюттена, Т. Котла и Ф. Зимбардо. В наибольшей мере – теоретические и эмпирические исследования К. Левина и Ж. Нюттена.

«Вводя понятия “субъект” и “окружение”, К. Левин подчеркивал, что здесь нет двух аспектов для рассмотрения: один – внутренняя субъективная система намерений, потребностей и другая – внешняя, – вспоминает о своем учителе Б.В. Зейгарник. – Хотя К. Левин писал о двух существующих универсумах – “психологическом” и “физикальном” – он предлагал их рассматривать не изолированно, а как единое целое. Конечно, не раскрывая социально-общественного характера “окружения”, К. Левин оставался неминуемо на позиции взаимодействия и гомеостаза. Но он хотел показать, что всякая потребность (квазипотребность) связана с окружающим миром. В своих лекциях он часто говорил о том, что нет потребности без предмета, способного ее удовлетворить (в его терминологии, физикальные предметы приобретают валентность благодаря существованию или возможности существования потребности). Поэтому он и предложил говорить не отдельно о действующем субъекте и о психологическом окружении, а о включающем и то, и другое “*жизненном пространстве*” индивида» [2, с. 19].

Вторая составляющая жизненного хронотопа человека – временная перспектива. Понятие «временной перспективы» в психологию было введено Л. Франком при описании «жизненного пространства» человека, включающего прошлое, настоящее и будущее. К. Левин рассматривал временную перспективу как общность взглядов индивида на его психологическое будущее и психологическое прошлое, субъективно существующую в данный момент времени. Временная перспектива проникает во все структуры жизни человека и определяется множеством факторов. Исследователи указывают, что временная ориентация индивида может иметь сильное влияние на его мысли и поведение (К. Левин, Ж. Нюттен, Ф. Зимбардо и др.).

Традиции исследования психологического пространства личности и суверенности как характеристики психологического пространства связаны с операционализацией категории субъекта [7, 8, 9, 10], содержание которой позволяет уточнить собственно природу психологической суверенности и возможные направления ее исследования.

Собственно феномен суверенности выделяется как самостоятельный в узкоспециальных контекстах: в контексте развития и сохранения телесности как формы субъектности (А.Ш. Тхостов), с точки зрения неконформности и независимости убеждений (В.Э. Чудновский), в рамках детско-родительских отношений (А.Я. Варга). К настоящему времени наиболее полную проработку и операционализацию понятие СПП получило в оригинальной концепции, предложенной С.К. Нартовой-Бочавер, согласно которой психологическая (личностная) суверенность определяется как способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство на основе обобщений опыта успешного автономного поведения [11, 13].

Субъектно-средовой подход к исследованию суверенности. В недавнее время обозначился подход, определяемый его автором С.К. Нартовой-Бочавер как «субъектно-средовой», в котором акцентирована проблема границ «жизненного мира» (обозначаемого автором понятием «психологическое пространство личности» – ППЛ), что и понимается автором как проблема СПП. Этот акцент на изучении того, что человек считает своим и того, где и как он устанавливает границу «своего», как нам представляется, в значительной мере

отвечает предмету наших исследовательских интересов – маркерам психологической суверенности человека.

По мнению автора, подход «позволяет, с одной стороны, интерпретировать средовые проявления человека символически и метафорически, как проявление внутреннего мира со всеми его особенностями и противоречиями, а с другой – изменяя телесные и топологические параметры жизнедеятельности человека, развивать его как субъекта» [13, с. 125].

В контексте субъектно-средового подхода постулируется тезис о целесообразности рассмотрения человека и мира как взаимодействующих и взаимопроникающих систем, что может рассматриваться преимущественно в идее отношения «Человек – Мир», обоснованию которой посвящена последняя книга С.Л. Рубинштейна [16]. СПП может быть понята как состояние границ психологического пространства, являющихся инструментом равноправного взаимодействия с другими людьми и селекции внешних влияний, обозначающих пределы личной ответственности и определяющих идентичность человека [1]. В этом контексте суверенность есть средство установления и регламентации отмеченных выше отношений «Я – Другой» и «Я-сам – как-Другой».

Предполагается, что СПП может быть представлена как совокупность границ, определяющих приватность различных секторов ППЛ. Эти секторы автор определяет как:

- суверенность физического тела (СФТ) – предупреждение несанкционированного вторжения в состояния соматического благополучия;
- суверенность территории (СТ) – предупреждение нарушения границ приватного пространства;
- суверенность мира вещей (СВ) – утверждение уважительного отношения к личной собственности;
- суверенность привычек (СП) – отставание человеком временной регламентации своей жизни;
- суверенность социальных связей (СС) – приватность круга друзей, знакомых, близких;
- суверенность ценностей (СЦ) – свобода в выборе мировоззренческих ориентиров и эстетических предпочтений [13, с. 197 – 198].

СПП в концепции С.К. Нартовой-Бочавер характеризуется следующими уровнями:

- сверхсуверенность – проявление сверхкомпенсации в ответ на высокоинтравентные воздействия и пренебрежение потребностями человека в построении им ППЛ;
- нормальная суверенность – переживание аутентичности, своей уместности в хронотопе жизненных обстоятельств и своей причастности к ценностным основаниям своей жизни;
- депривированность – проницаемость границ СПП такова, что человек следует логике обстоятельств и воле других людей [13, с. 163].

Эмпирическое исследование СПП

В соответствии с этой структурой ППЛ и с ориентацией на эти предполагаемые уровни С.К. Нартовой-Бочавер разработан опросник, который мы использовали в своем исследовании для сравнения структурных различий ППЛ респондентов-русских и респондентов-армян.

Целью нашего исследования на данном этапе было выявление формально-статистических различий СПП у людей, сформировавшихся в различных этнокультурных условиях: у жителей Армении и у жителей России. Мы предположили, что могут обнаружиться статистически значимые различия в уровне и структуре суверенности психологического пространства у представителей армянской и русской национальностей, что СПП опосредуется этнокультурными условиями общества, в котором человек формируется.

Исследование проводилось на территории Российской Федерации (в Волгограде) и в республике Армения (в Ереване). В общей сложности в нем приняли участие 196 человек, представители армянской и русской национальностей, молодого и зрелого возрастов. Группу респондентов-армян составили 88 человек. Группу респондентов-русских составили 108 человек.

Для определения уровня развития СПП использовался опросник «Суверенность психологического пространства» [12].

Для обработки данных и анализа надежности распределения респондентов по тем или иным параметрам применялись традиционные статистические методы: частотный анализ, метод определения достоверности различий, реализованные в стандартизованном пакете программ SPSS 11.0.

Поскольку исследование было нацелено на выявление, прежде всего этнически маркированных различий СПП, то вся выборка была рассечена на две подвыборки респондентов близкие по объему: респонденты-армяне и респонденты-русские.

На основании полученных результатов первичной статистической обработки установлено:

1. Распределение респондентов по типам суверенности психологического пространства в целом по выборке:

- сверхсуверенные – 30,6% (60 человек);
- с нормальной суверенностью – 47,4% (93 человека);
- депривированные – 22% (43 человека).

2. В соответствии с национальной принадлежностью общий показатель СПП распределился следующим образом.

Респонденты-армяне:

- 30,7 % опрошенных армян (27 человек) демонстрируют сверхсуверенность психологического пространства;
- 48,9 % (43 человека) – респонденты с нормальной суверенностью;
- 20,5 % (18 человек) – депривированные.

Респонденты-русские:

- 30,6 % опрошенных русских (33 человека) показывают сверхсуверенность психологического пространства;
- 46,3 % (50 человек) – с нормальной суверенностью;

- 23,1 % (43 человека) – депривированные.

Можно констатировать, что и по всей выборке и в группах респондентов в зависимости от пола, возраста, национальности преобладают средние (нормальная суверенность) и высокие (сверхсуверенность) показатели по суверенности психологического пространства. На этом основании можно предполагать, что более 70 % респондентов способны контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство, обеспечивать успешность разрешения жизненных задач и, видимо, устанавливать собственное авторство по отношению к жизненному пути в целом. Т.е. задача построения и удержания СПП для них *актуальна*.

Около 30 % респондентов показали депривированность психологического пространства. В рассматриваемом контексте депривированность ППЛ означает, что человек следует логике обстоятельств и воле других людей, которая не становится для него предметом рефлексии (слабость проекции-рефлексии, характерная для человека-предмета). Доминирующее переживание в этом случае связано с чувством подчиненности, и с чувством фрагментарности собственной жизни. Обнаруживаются затруднения в поиске тех содержаний жизненного хронотопа, с которыми человек себя идентифицирует: он ощущает себя «на чужой территории» и «не в своем времени». Возможно в таких случаях, что предполагает проведение специального исследования, проявляется *негативная идентичность* или *предрешенность*, характеризующая человека как *случайного индивида* (К. Маркс), *человека-предмета* (К. Обуховский), *конформиста-автомата* (Э. Фромм).

Помимо общего показателя СПП, нами были определены показатели по каждому измерению (сектору) психологического пространства, намеченному в модели С.К. Нартовой-Бочавер, а именно суверенность: физического тела; территории; мира вещей; привычек; социальных связей и ценностей. Результаты представлены в таблице.

Таблица

Показатели шкал СПП по всей выборке

Измерения ППЛ	Респонденты (196 человек)		
	Сверхсуверенность	Нормальная суверенность	Депривированность
Суверенность физического тела	14,3 % 28 человек	65,8 % 129 человек	19,9 % 39 человек
Суверенность территории	19,9 % 39 человек	57,1 % 112 человек	23 % 45 человек
Суверенность мира вещей	24 % 47 человек	58,2 % 114 человек	17,9 % 35 человек
Суверенность привычек	5,6 % 11 человек	74 % 145 человек	20,4 % 40 человек
Суверенность социальных связей	21,4 % 42 человек	60,7 % 119 человек	17,9 % 35 человек
Суверенность ценностей	4,1 % 8 человек	79,1 % 155 человек	16,8 % 33 человека

В целом показатели СПП (ее секторов) по всей выборке находится в рамках статистической нормы опросника (40 – 60 баллов). Однако при сопоставлении групп по объективным атрибутам (полу, возрасту, национальности) были выявлены значимые статистические различия.

При сопоставлении результатов двух национальных выборок с помощью U-критерия Манна-Уитни были выявлены существенные различия. Группы русских и армян различаются между собой по таким секторам психологического пространства как «территория» ($p = 0,001$), «мир вещей» ($p = 0,011$), «социальные связи» ($p = 0,006$).

По общему показателю СПП ($p = 0,809$), показателям суверенности физического тела ($p = 0,227$), привычек ($p = 0,128$) и ценностей ($p = 0,287$) указанные группы не отличаются.

По сравнению с российской выборкой армянские юноши демонстрируют более высокий уровень суверенности, лишь в некоторых случаях значения попадали в область квазисуверенности. Армянские юноши чувствуют себя свободными в выборе социальных контактов (которые могут не контролироваться извне), и удовлетворении основных физиологических потребностей. Можно предположить, что они раньше по сравнению с девушками и своими русскими сверстниками начинают самостоятельно жить (в силу особенностей воспитания, укоренившихся стереотипов отношения к представителям мужского пола в Армении) и реже сталкиваются с переживаниями физического дискомфорта. Обращает на себя внимание также высокая по сравнению с русскими юношами территориальная свобода (то есть, по-видимому, юноши в большей степени обладают суверенным пространством – квартирой, комнатой – и имеют возможность распоряжаться этим пространством как своим). В то же время армянские юноши не вполне свободны по сравнению со своими русскими сверстниками в выборе тех личных вещей и предметов, которыми пользуются в быту.

Армянки (как молодые, так и представительницы старшего поколения) по показателям суверенности заметно отличаются как от армян-мужчин, так и от группы русских респондентов (мужчин, женщин). Общий уровень суверенности у них существенно ниже. Можно предположить, что армянки чаще сталкиваются с воздействием внешнего контроля и вынуждены, во многом, подчиняться: в молодом возрасте – родителям, а во взрослой жизни – мужу, семье мужа. Однако подчинение не обретает форму безропотного следования, а представляет собой некий способ проявления приверженности традициям, проявление уважения, почитания старших, семьи супруга и т.д. Молодые армянки чаще испытывают бытовой дискомфорт, возможно вызванный конкретными бытовыми условиями и требованиями. Они испытывают большее давление «прилюдности», публичности своего существования, по-видимому, потребность в уединении и автономии у них не удовлетворена. Если русские девушки в определенной мере могут реализовывать свою потребность в личной собственности, то у армянских девушек соответствующий показатель близок к нижней границе нормы – почти все они хотели бы носить, иметь и пользоваться совсем другими личными вещами, чем те, которыми они обладают. Выражаясь языком К. Маркса и Э.В. Ильенкова, в этом случае «неорганическое тело» и его проявления подвержены своего рода культурной цензуре и некоторые проявления табуированы.

Характерно, что если армяне-юноши могут отстаивать свои ценностные установки, то молодые армянки чаще испытывают разочарование от того, что их мировоззрение существенно отличается от мировоззрения их родителей. Поэтому конфликт «отцов и детей» в Армении потенциально более вероятен между родителями и дочерьми, чем между родителями и сыновьями. Вполне возможно, что девочки очень хотели бы вести другой образ жизни, чем их родители. У юношей подобного конфликта не отмечается, а, если он и присутствует, родители в большей мере считаются с мнением своих сыновей, нежели дочерей.

Русские респонденты, как мужчины, так и женщины, демонстрируют примерно одинаковые показатели и по общему уровню СПП и отдельно по каждому измерению (сектору) – это средние значения, находящиеся в пределах статистической нормы. Лишь по

некоторым секторам ППЛ (мир вещей, социальные связи) наблюдаются незначительные расхождения, что обусловлено гендерными особенностями. Россиянки (как молодые, так и представительницы старшего поколения) по своим показателям суверенности практически не отличаются ни от русских, представителей мужского пола, ни от группы армянских респондентов-мужчин. Общий уровень суверенности у них находится в пределах статистической нормы – чуть выше среднего. В отличие от армянок, россиянки реже сталкиваются с воздействием внешнего контроля, обусловленного социальными и культурными стереотипами.

Итоги и перспектива. Сопоставительный анализ СПП у респондентов двух этнических групп показал, что действительно, степень выраженности проблемы суверенности в целом и актуальность различных ее аспектов могут быть связаны с атрибутами принадлежности. Были обнаружены статистически значимые различия, связанные с этнической и гендерной принадлежностью респондентов.

В этом исследовании мы проверяли чувствительность методики к этнокультурной принадлежности респондентов и наличие самих этнокультурных различий по показателям СПП.

В то же время проведенная работа выявила необходимость дополнения методического аппарата средствами экспликации *самого содержания* индивидуального хронотопа и выявления культурных опосредствований, обеспечивающих его построение и удержание его суверенности. Для этого нужны методы, объективирующие такое содержание, которое определяет «культурную прописку» ППЛ человека, по которому видна как его принадлежность к социально-возрастной группе, например, студенчеству, так и этнокультурной группе, например, армянской диаспоре Нижнего Поволжья.

В дальнейшем мы сосредоточим свое внимание на представленности в хронотопе наших респондентов субъектно-экзистенциальной ориентации в ее противопоставлении ориентации утилитарно-рыночной. Нас интересует наличие и качество – этнокультурное опосредствование – связи между личным хронотопом и хронотопом этноса (народа), его историей. Без понимания этой связи трудно обсуждать категории патриотизма и служения, их реальное содержание в сознании студентов, а значит, их мотивацию. А для нас, как преподавателей академии госслужбы, это имеет значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999.
2. Зейгарник Б.В. Теория личности К. Левина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
3. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. – М.: Политиздат, 1984
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 3. – М.: Политиздат, 1955.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 23 – М.: Политиздат, 1960.
6. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 42. – М.: Политиздат, 1974.
7. Медведев А.М., Жуланова И.В. Категория субъекта в образовании: педагогическая, философская и психологическая реконструкция // Психология обучения. 2011. № 9.
8. Медведев А.М., Жуланова И.В. Культурные прототипы субъектного действия как образовательные ориентиры (Сообщение 1) // Психология обучения. 2012. № 4.
9. Медведев А.М., Жуланова И.В. Культурные прототипы субъектного действия как образовательные ориентиры (Сообщение 2) // Психология обучения. 2012. № 5.
10. Медведев А.М., Сивишкина М.Е. Субъектность и личные теории в построении интимно-личного отношения в юношеском возрасте // Психология обучения. 2013. № 6.
11. Нартова-Бочавер С.К. Понятие «психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 6..
12. Нартова-Бочавер С. К. Опросник «Суверенность психологического пространства» - новый метод диагностики личности // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 5.
13. Нартова-Бочавер С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. – СПб.: Питер, 2008.
14. Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечения человека. – СПб: Издательство «Речь», 2003.
15. Рикёр П. Я-сам как другой. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008 (Французская философия XX века).
16. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб: Питер. 2003.
17. Слободчиков В.И. Очерки психологии образования. – Биробиджан: Изд-во БГПИ, 2005.
18. Фромм Э. Человек для себя: Исследование психологических проблем этики. – Минск: Коллегиум, 1992.

Рецензент: Медведев Александр Михайлович кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Волгоградский филиал» (ФГБОУ ВПО «РАНХиГС») / E-mail: al.medvedeff2009@yandex.ru

REFERENCES

1. Abul'hanova K.A. Psihologija i soznanie lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovanija real'noj lichnosti): Izbrannye psihologicheskie trudy. M.: Moskovskij psihologo-social'nyj institut; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODJeK», 1999.
2. Zejgarnik B.V. Teorija lichnosti K. Levina. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1981.
3. Il'enkov Je.V. Dialekticheskaja logika. – M.: Politizdat, 1984
4. Marks K. i Jengel's F. Sochinenija, t. 3. – M.: Politizdat, 1955.
5. Marks K. i Jengel's F. Sochinenija, t. 23 – M.: Politizdat, 1960.
6. Marks K. i Jengel's F. Sochinenija, t. 42. – M.: Politizdat, 1974.
7. Medvedev A.M., Zhulanova I.V. Kategorija sub#ekta v obrazovanii: pedagogicheskaja, filosofskaja i psihologicheskaja rekonstrukcija // Psihologija obuchenija. 2011. № 9.
8. Medvedev A.M., Zhulanova I.V. Kul'turnye prototipy sub#ektnogo dejstvija kak obrazovatel'nye orientiry (Soobshhenie 1) // Psihologija obuchenija. 2012. № 4.
9. Medvedev A.M., Zhulanova I.V. Kul'turnye prototipy sub#ektnogo dejstvija kak obrazovatel'nye orientiry (Soobshhenie 2) // Psihologija obuchenija. 2012. № 5.
10. Medvedev A.M., Sivishkina M.E. Sub#ektnost' i lichnye teorii v postroenii intimno-lichnogo otnoshenija v junosheskom vozraste // Psihologija obuchenija. 2013. № 6.
11. Nartova-Bochaver S.K. Ponjatie «psihologicheskoe prostranstvo lichnosti»: obosnovanie i prikladnoe znachenie // Psihologicheskij zhurnal. 2003. T. 24. № 6..
12. Nartova-Bochaver S. K. Oprosnik «Suverenost' psihologicheskogo prostranstva» - novyj metod diagnostiki lichnosti // Psihologicheskij zhurnal. 2004. T. 25, № 5.
13. Nartova-Bochaver S. K. Chelovek suverennyj: psihologicheskoe issledovanie sub#ekta v ego bytii. – SPb.: Piter, 2008.
14. Obuhovskij K. Galaktika potrebnostej. Psihologija vlechenija cheloveka. – SPb: Izdatel'stvo «Rech'», 2003.
15. Rikjor P. Ja-sam kak drugoj. – M.: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 2008 (Francuzskaja filosofija HH veka).
16. Rubinshtejn S.L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir. – SPb: Piter. 2003.
17. Slobodchikov V.I. Oчерki psihologii obrazovanija. – Birobidzhan: Izd-vo BGPI, 2005.
18. Fromm Je. Chelovek dlja sebja: Issledovanie psihologicheskikh problem jetiki. – Minsk: Kollegium, 1992.